

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(4)

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-150-163

ПРОБЛЕМАТИКА ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ СТРАН БАЛТИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ПРИБАЛТИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Зверев К. А.

Костромской государственный университет

156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17/11, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ работ эстонских, латвийских, литовских и отечественных исследователей касательно проблематики политики памяти в Прибалтийских республиках.

Процедура и методы. Методологическую основу статьи составляют принципы историзма, объективности и системности; также использованы специальные исторические методы: хронологический, периодизации, ретроспекции и актуализации.

Результаты. В научный оборот включены исследования эстонских латвийских, литовских авторов, не переведённые на русский язык. Систематизирована отечественная историография по проблематике прибалтийской политике памяти.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материал данной работы может быть использован как в университетском преподавании, так и в практической деятельности государственных органов, ответственных за реализацию политики памяти.

Ключевые слова: политика памяти, Прибалтийские республики, Эстония, Латвия, Литва, историография

PROBLEMS OF THE MEMORY POLICY OF THE BALTIC COUNTRIES IN DOMESTIC AND BALTIC HISTORIOGRAPHY

K. Zverev

Kostroma State University

ul. Dzerzhinskogo, 17/11, Kostroma 156005, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the works of Estonian, Latvian, Lithuanian and domestic researchers regarding the problems of memory policy in the Baltic republics.

© CC BY Зверев К. А., 2024.

Methodology. The methodological basis of the article is the principles of historicism, objectivity and consistency; such special historical methods as chronological method, periodization, retrospection and actualization were also used in the research.

Results. The studies by Estonian, Latvian, Lithuanian authors that have not been translated into Russian have been introduced to the scientific circulation. Domestic historiography on the problems of the Baltic memory policy has been systematized.

Research implications. The material of this work can be used both in university teaching and in the practical activities of state bodies responsible for the implementation of the memory policy.

Keywords: politics of memory, Baltic republics, Estonia, Latvia, Lithuania, historiography

Введение

Политика памяти сегодня признана одной из важных составляющих укрепления государственности. Особенно она важна для тех территорий, которые в силу тех или иных исторических обстоятельств недавно обрели независимость и встали на путь строительства новой государственности. Образовавшиеся после распада СССР Прибалтийские республики – наглядное тому подтверждение. Политика памяти в этих государствах велась весьма интенсивно и, несмотря на относительно короткую историю (30 лет), уже имеет свою историографию. Поскольку речь идёт об «актуальном прошлом», эта историография зачастую представляет собой не столько чисто академические выкладки, сколько альтернативную политику памяти. Идеологическую нагруженность историографии политики памяти усиливает то, что она является продуктом противоборствующих политических лагерей.

Эстонская историография

Научная литература, посвящённая вопросам исторической памяти в странах Балтии, немногочисленна; данное направление исследований ново для стран региона. Так, всплеск интереса к собственнopolитике памяти в Эстонии произошёл значительно позднее, нежели у западных соседей – лишь после событий «Бронзовой ночи» апреля 2007 г., когда в результате сноса монумента «Освободителям Таллина» вспыхнули массовые беспорядки с участием местного русскоязычного населения. Стало очевидно, что в республике существует острый конфликт не только на этноязыковой почве, но и по причине различных трактовок прошлого, в особенности событий Второй мировой войны. В этой связи в свет вышла работа исследователей из Тартуского и Таллиннского университетов П. Петерсоо и М. Тамма [30], в которой описываются с эстонской точки зрения конфликты с памятниками в Эстонии, а также события «Бронзовой ночи». Авторы апеллируют к понятию «коллективная память» и приходят к выводу, что государство должно активнее доносить до местного населения (в т. ч. неэстонского) господствующие исторические воззрения всеми доступными способами, используя литературу, музейные экспозиции, монументальное искусство, СМИ и др. Также следует отметить и другую публикацию М. Тамма «Монументальная история»¹, в которой автор приходит к констатации того, что в современной Эстонии общественность ещё не осознала важности роли академического подхода к исторической памяти, и понимание исторической политики не заняло должного места в научных кругах. Например, для изучения памяти созданы специальные учреждения, работающие на иных принципах, чем академические. Другими словами, Тамм пишет, что в республике исследования в области политики памяти крайне немногочисленны, и данная область слабо изучена.

¹ Tamm M. Monumentaalne ajalugu. Loomingu Raamatukogu, nr 28–30. SA Kultuurileht, 2012. 206 lk.

В статье «В поисках утраченного прошлого: политика памяти в Эстонии, 1991–2011 гг.»¹ М. Тамм анализирует эстонскую историческую политику по 4 аспектам: юридическому, институциональному, коммеморативному и монументальному. Он рассматривает лишь внутривластную составляющую политики памяти, не затрагивая её внешнеполитические аспекты. Автор приходит к выводу о стремлении официального Таллина к построению однородной, безальтернативной концепции исторического развития эстонского народа и увязывании национальной идентичности с страданиями прошлого, апеллируя к памяти-травме. Тамм считает, что было бы более уместно поддерживать множественность аргументированных мнений, гарантировать предпосылки для критического обмена мнениями и поддерживать академическое, свободное и политически независимое изучение истории.

Не остались в стороне от обозначенной проблематики и русскоязычные исследователи из Эстонии. Эстонский журналист, доктор философии И. Розенфельд [23] рассматривает социально-политическое развитие Эстонии с момента обретения независимости в 1991 до 2007 гг. и анализирует причины событий апреля 2007 г. Одну из глав монографии Розенфельд посвятил исторической концепции эстонских крайне правых кругов политического истеблишмента, которая и стала господствующей в местной историографии в 1990-е гг. Именно в навязывании обществу данной националистической, антисоветской/антироссийской исторической повестки автор и видит одну из главных причин конфликта апреля 2007 г. вокруг памятника «Освободителям Таллина».

Непосредственно политику памяти и механизм формирования исторической политики в Эстонии рассматривает

в своей статье А. Астров [2]. Он уделяет пристальное внимание внешнеполитическому аспекту эстонского исторического дискурса, а также анализирует высказывания крупных эстонских политических деятелей касательно событий Второй мировой войны и «преступлений» советской власти. Автор отмечает постоянную оглядку эстонских проводников политики памяти на восприятие их действий за рубежом и оказываемое влияние на имидж страны, что в конечном итоге привело к некоторому отмежеванию официального Таллина от крайних националистов и своеобразному «смягчению» исторической политики в области памяти в Эстонии.

Также имеются отдельные статьи, сравнивающие политику памяти в Эстонии и других странах. Так, В. Вихури² сравнивает подход к исторической памяти Эстонии и Польши, констатируя, что обе страны стремятся героизировать собственную историю, воспринимая её как извечную и, в конечном счёте, успешную борьбу за независимость. При этом, по мнению автора, эстонский подход к политике памяти является более плюралистичным и демократичным по сравнению с польским, где у власти находятся националистические круги.

Таким образом, для эстонской историографии политики памяти характерно акцентирование внимания на проблематике событий XX столетия (обращение к более ранним периодам является редкостью), а также обращение к памяти-травме. При этом наблюдаются различные оценки плюрализма местного дискурса памяти. Исследователи-эстонцы оценивают местный дискурс как весьма толерантный, русскоязычные же исследователи, наоборот, отмечают крайне правый уклон и нетерпимость к иным точкам зрения как характерную черту местной

¹ Тамм М. In search of lost time: Memory politics in Estonia, 1991–2011 // Nationalities Papers. 2013. Vol. 41. № 4. P. 651–674.

² Vihuri V. Uuest mälupoliitikast Poolas ja Eestis // Objektiiv: [сайт]. URL: <https://objektiiv.ee/kolumn-uest-malupoliitikast-poolas-ja-eestis/> (дата обращения: 31.07.2023).

политики памяти и, как следствие, её конфликтный характер.

Латвийская историография

Схожих оценок в историографии политики памяти придерживаются и латвийские историки. Однако и здесь исследования, посвящённые проблематике политики памяти, носят единичный характер и изданы они в последние 15 лет. Заслуживает внимания статья латвийского исследователя В. Макарова «“Бои за историю” в Латвии» [13], в которой рассматриваются основные подходы официальной Риги к местной политике памяти и степень её влияния на местное русскоязычное население. Автор акцентирует внимание на государственной символике Латвии, праздничной культуре и их роли в формировании новой политики памяти. Однако Макаров рассматривает лишь ограниченный круг вопросов исторической памяти, не беря во внимание образовательную сферу, законодотворчество.

Работа, подготовленная исследователями Латвийского университета «Память о советских депортациях в Латвии: политика памяти и общественное пространство»¹ прослеживает отношение населения Латвии к жертвам депортаций 1940 и 1949 гг. в советский и постсоветский периоды. Авторы приходят к выводу о необходимости планомерной работы государственных учреждений не только по увековечиванию памяти о данных событиях, но и выработке однозначной оценки депортаций как «преступления советских властей».

Н. Муйжниекс в монографии «Геополитика истории в латвийско-российских отношениях» [31] анализирует российский взгляд на латвийскую историю и сравнивает его с национальной историографией, выявляя диаметрально противоположный взгляд на историю (в особенности XX в.). Он обращает внимание

на прямую связь между исторической политикой и национальной идентичностью. Кроме того, Муйжниекс подробно описывает латвийский исторический нарратив, который сводит к тезису о «советской оккупации» и исторической преемственности нынешней Латвии по отношению к республике межвоенного периода. Автор отмечает, что наряду с позитивными последствиями выбранной линии исторической политики (быстрая евроатлантическая интеграция, возвращение Латвии её зарубежных активов) имеются и серьёзные её издержки в виде углубляющегося раскола между латышами и русскоязычными на почве диаметрально противоположных взглядов на историю.

Д. Эглитис и Л. Ардава в статье «Политика памяти: вспоминая Балтийский путь через 20 лет после 1989» [29] рассматривают изменения в восприятии акции «Балтийский путь» (или «Балтийская цепь») в Латвии, освещение данной акции в СМИ в течение 1990-х – 2000-х гг. В работе вводится понятие «поминального спектакля», «коллективного ритуала», которые представляют из себя акции, не привязанные к «великим историческим нарративам», и ставят борьбу за память в ранг шоу и театрализованных спектаклей с целью популяризации в обществе тех или иных взглядов на прошлое.

Следует обратить внимание на статью «О национальной идентичности и демократической политике памяти»² под авторством латвийского государственного деятеля Э. Левитса (на момент написания упомянутой статьи – судья международного арбитражного суда, с 2019 – президент Латвии). В данном труде, скорее публицистического, нежели научного характера, Левитс излагает суть своих взглядов на латвийскую политику памяти (по его мнению, политика памяти – не-

¹ Kaprāns M., Uzule L., Procevska O., Saulītis A. Padomju deportāciju pieminēšana Latvijā: Atmiņu politika un publiskā telpa. Rīga: Mansards, 2012. 191 p.

² Levits E. Par nacionālo identitāti un demokrātisku atmiņu politiku (О национальной идентичности и политике демократической памяти) // Jurista Vārds. 2012. № 1. С. 61–78.

отъемлемая часть любого независимого государства), которая должна служить целям консолидации общества и повышению национального самосознания латышей. Кроме того, Э. Левитс предлагает свой вариант трактовки событий латвийского исторического прошлого, оценивая, безусловно, положительно борьбу за независимость и, безусловно, отрицательно период вхождения Латвии в состав СССР, очерчивая тем самым своеобразные рамки плюрализма для местной историографии.

Представляют интерес для темы нашего исследования и специальные издания, подготовленные местными учёными совместно с Обществом исследования оккупации Латвии¹. Данные работы раскрывают не только сущность исторических воззрений латвийского истеблишмента, но и их аргументацию в виде апеллирования к пакту Молотова-Риббентропа, советской «оккупации» и «русификации» посредством заселения Латвии советскими «колонистами» и т. п. Отметим, что «общество исследования оккупации» Латвии является некоммерческой организацией, аффилированной с государством и выполняющей функции фактически института национальной памяти.

Из обозначенных выше публикаций мы видим, что превалирующее значение в прибалтийской историографии вопросам политики памяти имеет эксплуатация образа жертвы, навязывание однозначных, как правило антисоветских, трактовок. При этом имеет место быть декларирование плюрализма, научности, консолидации общества, отсутствующих в реальности.

¹ История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. В. Пуренс, Д. Лиепиня; пер. с латышского. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; Butulis I., Zunda A. History of Latvia. – Riga: Jumava, 2015. 253 р.; Ущерб, нанесённый Советским Союзом странам Балтии: мат-лы международной конференции / под ред. Ю. Прикулиса. Рига: Министерство юстиции Латвийской Республики, Общество исследования оккупации Латвии, 2015. 231 с. и др.

Литовская историография

Ближних взглядов к эстонской и латвийской историографии придерживаются и литовские учёные. В частности, А. Никзентайтис [32; 33] пишет об актуализации в начале 1990-х гг. для Литвы и Польши вопросов истории и памяти, в т. ч. истории принадлежности Виленского края и польско-литовских взаимоотношений периода Второй мировой в связи с юридическим оформлением двусторонних отношений и государственной границы. Никзентайтис подробно разбирает оценки польской и литовской историографии по Виленской проблеме, а также изменения данных трактовок по мере потепления отношений между официальными Вильнюсом и Варшавой в связи с евроатлантической интеграцией. Вместе с тем автор считает, что, будучи активным гражданином, историк неизбежно нарушает профессиональную этику, поскольку говорит о событиях прошлого, оценивая их в категориях настоящего и прогнозируемого будущего, а не в контексте исследуемой эпохи: «Оценивая события в духе историзма, исследователь как бы добровольно отказывается стать активным творцом новой культурной памяти, а вместе с тем, возможно, и более совершенного общества. Эти проблемы менее актуальны для стран с более стабильной демократией, но нам, полякам и литовцам, всё же придётся найти *modus vivendi* [способ существования – К.З.] не столько с противоречивым историческим прошлым, сколько с иной культурной памятью и политикой памяти» [33].

Также следует обратиться и к другим публикациям А. Никзентайтиса по интересующей нас тематике [21], в которых автор отмечает, что политика памяти в результате крупных социальных потрясений радикально трансформируется; в случае Литвы данным рубежным событием является «Поющая революция» 1987–1991 гг. Кроме того, автор в своих

исследованиях выделяет 2 типа памяти: актуальную на данный момент в конкретной стране он именует памятью доминирующей, а ранее существовавшую – культурным воспоминанием. Применительно к анализу политики памяти Литвы, автор отдаёт центральное место истории потере независимости и событийному ряду с этим связанному. Балтийские страны, в т. ч. и Литва, отличаются от других соседей России своими жёсткими требованиями к восточному соседу признать и осудить проведённую в 1940 г. «оккупацию», но вместе с тем они не видят никаких проблем в том, чтобы хранить память о совершённых ими в прошлом насильственных действиях (например, ввод литовских войск в де-факто польский Вильнюс осенью 1939 г.; прославление лесных братьев, которыми было убито значительное количество литовцев и др.). В итоге автор приходит к выводу о конфликтном характере литовской политики памяти.

Солидарна с Никзентайтисом в вопросе конфликтного характера литовской памяти и И. Шутинене, которая в своей работе «Символы национальной истории»¹ отслеживает процесс формирования образов национальных героев, в т. ч. и весьма неоднозначных (из числа лидеров антисоветского подполья). Автор отмечает всё более возрастающую в новейший период роль интерпретаций литовской истории, исходящих от политических элит, нежели реальных исторических фактов.

Статья литовского политолога и общественного деятеля В. Синицы «Постсоветские парадоксы: историки против исторической памяти нации»² также

помогает понять характерные черты современной литовской политики памяти. В частности, автор оправдывает принятие официальным Вильнюсом уголовной статьи за отрицание факта «преступлений советской оккупации» тем, что государство должно иметь собственное авторитетное мнение по ключевым событиям прошлого для поддержки исторического и государственного сознания граждан, общей исторической судьбы и ответственности за будущее государства.

Необходимо упомянуть и сборник статей «История как фактор политического мышления»³, в котором рассматривается влияние исторических интерпретаций на общественно-политическое поведение населения, в т. ч. пристально рассматривается литовский исторический дискурс и его современная интерпретация. В частности, авторы сборника отмечают исключительную важность для Литвы национальной составляющей в местной парадигме истории, в которой нация рассматривается как единое и органическое образование, как субъект истории, а процесс развития и выживания этой нации признаётся важнейшей движущей силой истории. Кроме того, в сборнике анализируется и вопрос выработки календаря праздничных и памятных дат – подчёркивается компромиссный характер законодательства в данной сфере из-за опасения местного истеблишмента относительно реакции соседних Польши и России на увековечивание некоторых событий прошлого.

Литовский исследователь Т. Статкявичус в статье «Политика памяти в странах Балтии: два поля анализа» [34] сравнивает эстонскую, латвийскую и литовскую политику памяти и выделяет в них 2 тенденции развития: актуализация советского периода истории и национальный нарратив (этноцентризм). Автор приходит к выводу о существенных

¹ Šutinienė I. Tautos istorijos mitai Lietuvos gyventojų sąmonėje // Istorinė sąmonė ir istorijos didaktika. Vilnius: Švietimo studijų centras, 1997. P. 66–82.

² Sinica V. Posovietiniai paradoksai: istorikai prieš Tautos istorinę atmintį (Постсоветские парадоксы: историки против исторической памяти нации) // Alkas: [сайт]. URL: <http://dev.alkas.lt/2014/01/02/v-sinica-posovietiniai-paradoksai-istorikai-pries-tautos-istorine-atminti/> (дата обращения: 14.04.2021).

³ Istorija kaip politinio mąstymo veiksnys: straipsnių rinkinys / Vaidutis Laurenas. Vilnius: Vilniaus univ. leidykla, 2012. 492 p.

различиях в литовском варианте памяти, с одной стороны, и эстонском, латвийском – с другой. По оценке Статкявичуса литовская историческая повестка более либеральная, нежели у северных соседей. В частности, он отмечает, что в Литве произошли успешная трансформация и встраивание бывшей коммунистической партии в новую политическую систему, которая усилила дискурс по реабилитации советского этапа развития страны как стабильного, индустриализирующего и модернизирующего периода. «Либерализация» также ощущалась с точки зрения деконструкции национального нарратива. Важнейшая роль отводится Великому княжеству Литовскому как толерантному и правовому государству, отказу от поиска этнических атрибутов княжества. В Латвии и Эстонии по-прежнему доминирует отказ от частичной реабилитации советской памяти. На это, по мнению автора, повлияло отсутствие здоровой экс-коммунистической партии и традиция политической элиты изолировать партии русского меньшинства от правящих коалиций.

Тем не менее обозначенные работы эстонских, латвийских и литовских исследователей рассматривают политику памяти весьма сегментарно, в них отсутствует комплексный анализ источниковой базы в виде законодательных актов, учебной литературы, монументалистики, праздничной культуры. Не представлен и механизм институционализации местной исторической политики. Но уделяется значительное внимание вопросам межэтнических взаимоотношений в республиках и степени восприимчивости населением господствующих исторических трактовок.

Российская историография

Среди работ отечественных историков применительно к Прибалтике преобладают исследования касательно проблематики прав и статуса русскоязычного населения Эстонии, Латвии, Литвы, из-

дания же о государственной исторической политике являются крайне немногочисленными [22; 26; 27; 28]. Тем не менее, на наш взгляд, работы исследователей по интересующей нас тематике целесообразно сгруппировать по следующим категориям:

- статьи и монографии, посвящённые феномену политики памяти в целом или рассматривающие данное явление в третьих странах, затрагивающие Прибалтийские республики лишь опосредованно, но ценные своей концептуальной моделью, методологией и позволяющие выявить общие тренды исторической памяти Восточной Европы, постсоветского пространства, оказывающие прямое или косвенное влияние на прибалтийский исторический дискурс;

- исследования, фокусирующиеся на событиях XX столетия, в особенности на дискурсе Второй мировой войны (что весьма характерно для отечественной историографии);

- публикации, посвящённые определённым аспектам памяти: межнациональные отношения и их роль в памяти стран Балтии, учебная литература, монументалистика и др.

К *первой группе* относятся статьи доктора политических наук Н. А. Медушевского, который рассматривает вопросы политики памяти Европейского Союза в целом, а также Венгрии, Чехии и других стран в частности [16; 17; 18; 19]. Медушевский указывает на компромиссный характер исторической политики Европейского Союза, её несформированность и продолжающийся поиск приемлемых трактовок событий прошлого. Автор обращает внимание на повышенный интерес европейской политики памяти к критике тоталитарных режимов XX в. – в данном контексте общеевропейский тренд очень хорошо вписывается в восточноевропейские реалии, где также основной фокус памяти охватывает события последнего столетия.

Аналогичную тему применительно к Беларуси и Украине анализируют А. Д. Асеев и В. В. Шишков [1], фокусируясь на процессе формирования исторической политики в постсоветских государствах и причинах «войн памяти». Исследователи приходят к выводу о стремлении местных элит за счёт ревизии истории обеспечить развитие национальных идентичностей, а антироссийская направленность видится им как инструмент избавления от реального или мнимого влияния Москвы.

Представляет большой интерес для нас и сборник статей под редакцией А. Миллера [6; 20], в котором собран целый ряд исследований, посвящённых становлению и реализации исторической политики в странах Центральной и Восточной Европы, в т. ч. рассматриваются концептуальные основы и методология исследования вопросов политики памяти. Авторы статей сборника – польский исследователь Р. Траба, украинский историк Г. Касьянов, венгерский профессор Г. Дьяни – в своих работах приходят к выводу о возросшей политизации истории в последней трети XX – начале XXI вв., при этом обращая внимание на превалирование ревизионизма именно к событиям XX столетия и Второй мировой войне.

В работе Е. Лёзиной [11] представлен анализ процесса переосмысления прошлого в странах Центральной и Восточной Европы, в т. ч. и в России во второй половине XX – начале XXI вв. В исследовании рассматриваются вопросы денацификации в послевоенной Германии, а также переоценка прошлого в государствах постсоветского пространства (также затронуты и Прибалтийские республики). Интерес вызывает тезис автора о так называемой «поздней люстрации», в ходе которой ряд государств существенно расширяли принятые ранее программы люстрации и открытия архивов (Литва, Польша, Румыния), а страны, принявшие люстрационные законы на раннем этапе (Германия, Чехия), продлевали их дей-

ствие. При этом полной люстрации, по подобию стран Центральной Европы, в Прибалтике не произошло, как и кардинальной смены политических элит.

Обозначенные труды позволяют проанализировать имеющийся научный задел по проблематике политики памяти в отечественной историографии и сопоставить его с эстонским, латвийским, литовским материалом.

К группе исследований, фокусирующихся на событиях XX в. и Второй мировой войны, можно отнести труды А. Дюкова [4], в которых автор акцентирует внимание на фактах переписывания истории событий XX столетия в Прибалтике и Украине. Особое внимание в работе уделяется проблематике инкорпорации Прибалтики в состав СССР и Великой Отечественной войне, остальные аспекты местного исторического дискурса обойдены вниманием.

Тематике ревизии истории Второй мировой войны в значительной степени посвящено и совместное исследование А. Дюкова и В. Симиндея «Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению», в котором авторы критически оценивают стремление официальной Риги к конструированию собственной исторической политики на героизации местных пронацистских деятелей (из числа формирований СС, лесных братьев и др.) [5]. Здесь вновь авторы концентрируются практически исключительно на событиях Второй мировой войны, привлекая значительный круг документов из отечественных архивов.

В работах отечественного историка Ю. Кантор [7; 8] также представлен обстоятельный анализ событий Второй мировой войны в Прибалтийском регионе. В исследованиях используется богатый источниковый материал, кроме того, представлена проблема коллаборационизма и интерпретации исторического периода 1930-х – 1940-х гг. в современной эстонской, латвийской, литовской историографии. В своих трудах Кантор

приходит к выводу о заимствовании прибалтийскими проводниками политики памяти классической советской методологии – привнесение в массовое сознание единственно верной, «идеологически выверенной» версии событий. При этом всё то, что не вписывается в «правильную» картину прошлого, подвергается замалчиванию, критике, обструкции. Также автор отмечает популярность в эстонской, латвийской, литовской историографии тезисов о страдании титульного населения в период Второй мировой войны как исключительно результате действий «чужой», «иноземной» власти.

Необходимо отметить и исследования, опубликованные Центром изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге, который специализируется на изучении политики памяти в России, Восточной Европе и на постсоветском пространстве. В частности, следует обратиться к работе Е. И. Махотиной «Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы» [14], в которой автор анализирует монументальную культуру официального Вильнюса как одну из составляющих местной политики памяти, обращаясь к наиболее противоречивой её части – событиям Второй мировой войны. Махотина прослеживает формирование исторического нарратива официального Вильнюса о событиях 1939–1945 гг., представляющего литовцев как жертв двух тоталитарных режимов (нацистского и советского), между которыми ставится знак равенства. При этом в исследовании отсутствует анализ событий депортации 1941 г., имеющей значительное место в политике памяти стран Балтии и являющейся одним из значимых аргументов местной историографии в оценке эстонцев, латышей, литовцев как жертв советского «оккупационного режима».

Собственно страны Балтии и их представление о прошлом рассматривает

Д. Лошков [12], обращая внимание на широкий спектр проблемных тем, получивших диаметрально противоположные оценки в российских и прибалтийских учебниках истории, к таковым относятся: присоединение стран Балтии к СССР, коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны, сама война и весь период пребывания данных государств в составе Советского Союза. При этом автор скептически оценивает возможность объективного освещения данных событий за рубежом в силу современных политических реалий.

В работе калининградского исследователя М. Е. Мегем [15] проводится анализ мемориальной политики Прибалтийских республик, в которой автор приходит к выводу о её взаимозависимости от евроатлантической интеграции стран региона. В частности, в исследовании рассматривается процесс деактуализации советского мемориального наследия (в первую очередь, речь идёт о монументах, относящихся к событиям Великой Отечественной войны) и приспособления его под мейнстрим европейской политики памяти на протяжении 1990-х – 2000-х гг. (например, переоборудование мемориальных комплексов жертвам преступлений нацизма в Эстонии, Латвии, Литве в памятники жертвам Холокоста).

Публикации, посвящённые определённым аспектам памяти Прибалтийских республик, также представлены в отечественной историографии. Статья российского исследователя А. Скачкова «Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики» [24] интересна, прежде всего, выделением роли эстонской, латвийской и литовской эмиграции в формировании национальных элит и исторической памяти в духе антисоветизма и оправдания нацизма. Автор также указывает на углубление острого конфликта между двумя противоположными «историческими памятьями» на основе различного восприятия местной русскоязычной общиной и ти-

тульным населением военного и послевоенного периодов развития Прибалтики.

Роль политических элит Прибалтийских республик в формировании местной политики памяти также исследует В. Смирнов [25]. Он описывает законодательные и административные методы, используемые местным истеблишментом для утверждения господствующих трактовок прошлого, а также выделяет этапы развития исторической политики стран Балтии, где реперными точками выступают внешнеполитические события, в первую очередь, вехи евроатлантической интеграции Эстонии, Латвии, Литвы.

Статья М. Коротковой «Коммеморация независимости прибалтийских республик в период “Поющей революции”» [9] посвящена начальному этапу формирования прибалтийской политики памяти на излёте советской эпохи в конце 1980-х гг. Обращаясь к событиям «Поющей революции», автор анализирует символическую составляющую протестного движения Прибалтийских республик и разъясняет использование коммеморации местными активистами как политического инструмента для активизации, популяризации протестного движения и разрыва с советским историко-культурным нарративом.

В работе М. Кирчанова [10] подробно анализируется место континуитета в политике памяти стран Балтии. Автор отмечает латвийский опыт как наиболее последовательный вариант претворения в жизнь идеи правопреемственности нынешнего государства республике межвоенного периода. Литовский вариант предстаёт в статье как двойной континуитет – обращение не только к государству 1918–1940 гг., но и к средневековому Великому княжеству Литовскому. По мнению Кирчанова, континуитет стал одной из ключевых скреп прибалтийской политики памяти, обусловил целый ряд её специфических черт, хотя и является компромиссным по своей сути.

В книге Г. Бордюгова «“Войны памяти” на постсоветском пространстве» [3] рассматривается феномен «войн памяти» в XXI в. на постсоветском пространстве, затрагиваются в том числе и интересующие нас страны. Работа носит в большей степени публицистический характер и концентрирует внимание на внешних проявлениях политики памяти постсоветских государств (демонтаж советских монументов, преподавание истории, отношения с Российской Федерацией), не затрагивая глубинных процессов становления и развития исторической политики в регионе.

Подводя итог анализу отечественной историографии по интересующей нас тематике, следует отметить, что политика памяти в Прибалтике рассматривается сквозь призму трактовок событий Второй мировой войны (инкорпорация республик в состав СССР, боевые действия, коллаборационизм, интерпретация и оценка в странах Балтии), различные оценки прошлого титульным и русскоязычным населением. Авторы приходят к схожим выводам, отмечая эксплуатацию прибалтийскими исследователями образа жертвы для своих стран применительно к ключевым событиям XX столетия, доминирование негативных, часто весьма тенденциозных оценок советского периода истории.

При этом, по нашему мнению, проблематика прибалтийской политики памяти в отечественной историографии рассматривается весьма однобоко – превалирует тематика Второй мировой войны и вместе с тем практически не изучена интерпретация других исторических периодов (Польско-литовская уния, Шведский период, развитие в составе Российской империи, межвоенный период), их роль в конструировании местной исторической памяти. Не уделяется должного внимания проблематике правового континуитета официальных Таллина, Риги, Вильнюса (правопреемственности нынешних государств республикам межво-

енного периода), процессу государственного строительства, институционального оформления политики памяти. Как итог, по представленной проблематике ощущается необходимость в создании обстоятельного, фундаментального труда, до настоящего времени отсутствующего как в прибалтийской, так и в отечественной историографии.

Заключение

Таким образом, подводя итог анализу отечественной и прибалтийской историографии, посвящённой проблематике политики памяти стран Балтии, следует обобщить основные особенности проведённого исследования.

Прибалтийские исследователи рассматривают политику памяти весьма сегментарно, в них отсутствует комплексный анализ источниковой базы в виде законодательных актов, учебной литературы, монументалистики, праздничной культуры. Не представлен и механизм институционализации местной исторической политики. Не уделено должного внимания вопросам межнациональных вза-

имоотношений (в особенности в Эстонии и Латвии) в республиках и степени восприимчивости населением господствующих исторических трактовок. При этом имеет место декларирование отсутствующих в реальности плюрализма и консолидации общества вокруг господствующих исторических трактовок.

В отечественной историографии политика памяти в Прибалтике также рассматривается через влияние фактора межнациональных отношений на трактовки событий XX столетия. Основное внимание российских авторов приковано к оценкам Второй мировой войны в Эстонии, Латвии и Литве (инкорпорация республик в состав СССР, боевые действия, коллаборационизм, интерпретация и оценка в странах Балтии). Отмечается также эксплуатация прибалтийскими исследователями образа жертвы для своих стран применительно ко Второй мировой войне, доминирование негативных, часто весьма тенденциозных оценок советского периода истории.

Дата поступления в редакцию 05.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеев А. Д., Шишков В. В. Россия в «войнах памяти»: историческая политика в Восточной Европе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 2. С. 9–23.
2. Астров А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центрально-европейских государств (на примере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 184–216.
3. Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.
4. Дюков А. Р. Историческая политика или историческая память // Международная жизнь. 2010. № 1. С. 133–148.
5. Дюков А., Симиндей В. Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению. М.: Фонд «Историческая память», 2013. 264 с.
6. Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.
7. Кантор Ю. З. Война без правил (1939–1945). СПб.: Журнал «Звезда», 2011. 376 с.
8. Кантор Ю. З. Прибалтика, 1939–1945 гг. Война и память. М.: РОССПЭН: Политическая энциклопедия, 2020. 359 с.
9. Короткова М. В. Коммеморация независимости прибалтийских республик в период «Поющей революции» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 64–69.
10. Кирчанов М. В. Континуитет и дискретность в современных исторических памятниках стран Балтии: (мифы политической нации vs мифы политизированной этничности) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1. С. 180–218.

11. Лёзина Е. XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 691 с.
12. Лошков Д. Б. Россия и страны Балтии – не лучше ли обойтись без претензий? // Преподавание истории в школе. 2005. № 8. С. 25–36.
13. Макаров В. «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 148–157.
14. Махотина Е. И. Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2020. 254 с.
15. Мегем М. Е. Снести нельзя оставить: ключевые тенденции политики памяти стран Балтии в отношении советских памятников в местах массового насилия // Балтийский регион. 2022. № 4. С. 128–145.
16. Медушевский Н. А. Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интеграционного процесса // Власть. 2019. № 3. С. 167–174.
17. Медушевский Н. А. Политика памяти в современной Венгрии // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 4А. С. 5–18.
18. Медушевский Н. А. Политика памяти в Чешской Республике на современном историческом этапе // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 4А. С. 19–33.
19. Медушевский Н. А. Размышления о политике памяти. М.: Издательские решения, 2019. 146 с.
20. Миллер А. И. Вторая мировая война в «войнах памяти» // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 222–231.
21. Никжентайтис А. Модели памяти и культурных воспоминаний: Польша, Литва, Россия, Германия // Слово.ру: Балтийский акцент. 2012. № 3. С. 17–32.
22. Прибалтийские исследования в России. 2015 / сост. М. А. Вилков, В. В. Симиндей. М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2015. 480 с.
23. Розенфельд И. Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту: Крипта, 2009. 576 с.
24. Скачков А. С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 140–151.
25. Смирнов В. А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2. С. 78–97.
26. Старые и новые образы в современных учебниках истории / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО- XX, 2002. 352 с.
27. Токарева Е. А. Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании // Преподаватель XXI век. 2021. № 3. С. 288–300.
28. Фёдоров А. П. «Войны памяти» – элемент информационной войны против России. На примере прибалтийских стран // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2020. № 8. С. 88–99.
29. Eglitis D. S., Ardava L. The Politics of Memory: Remembering the Baltic Way 20 Years after 1989 // Europe–Asia Studies. 2012. № 64. P. 1033–1059.
30. Monumentaalne konflikt: mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis / eds. P. Petersoo, M. Tamm. Tallinn: Trükikoda OÜ Geif, 2008. 308 k.
31. Muižnieks N. The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations. Academic Press of the University of Latvia, 2011. 238 p.
32. Nikžentaitis A. Kryžiaus karų epocha Lietuvos kultūrinėje atmintyje // Kryžiaus karų epocha Baltijos regiono tautų istorinėje sąmonėje / ed. R. Trimonienė. Šiauliai: Saulės delta, 2007. P. 236–249.
33. Nikžentaitis A. Rytų Lietuva lietuvių atminties kultūroje ir politikoje. Istoriko ir atminties kūrėjo santykio problema // Kultūros barai. 2004. № 10. P. 15–19.
34. Statkevičius T. Atminties politika Baltijos šalyse: dvi probleminės sritys // Politikos mokslų almanachas. 2013. № 13. P. 137–158.

REFERENCES

1. Aseev A. D., Shishkov V. V. [Russia in the wars of memory: historical politics in Eastern Europe]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Bulletin

- of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences], 2020, no. 2, pp. 9–23.
2. Astrov A. [Historical politics and “ontological concerns” of small Central European states (using the example of Estonia)]. In: Millera A., Lipmana M., eds. *Istoricheskaja politika v XXI veke* [Historical politics in the 21st century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 184–216.
 3. Bordyugov G. A. «*Vojny pamjati*» na postsovetском prostranstve [“Memory Wars” in the post-Soviet space]. Moscow, AIRO-HHI Publ., 2011. 256 p.
 4. Dyukov A. R. [Historical politics or historical memory]. In: *Mezhdunarodnaja zhizn* [International life], 2010, no. 1, pp. 133–148.
 5. Dyukov A., Simindey V. *Gosudarstvennaja istoricheskaja politika Latvii: materialy k izucheniju* [State historical policy of Latvia: materials for study]. Moscow, Fond «Istoricheskaja pamjat» Publ., 2013. 264 p.
 6. Millera A., Lipmana M., eds. *Istoricheskaja politika v XXI veke* [Historical politics in the 21st century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 648 p.
 7. Kantor J. *Vojna bez pravil (1939–1945)* [War without rules (1939–1945)]. St. Petersburg, Zhurnal “Zvezda” Publ., 2011. 376 p.
 8. Kantor J. *Pribaltika, 1939–1945 gg. Vojna i pamjat* [Baltic states, 1939–1945 War and Memory]. Moscow, ROSSPEN Publ., Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2020. 359 p.
 9. Korotkova M. V. [Commemoration of Baltic republics’ independence during “the Singing Revolution”]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2015, no. 5–6, pp. 64–69.
 10. Kirchanov M. V. [Continuity and discreteness in modern historical memories of the Baltic countries: (myths of a political nation vs myths of politicized ethnicity)]. In: *Zhurnal Rossijskikh i vostochnoevropejskikh istoricheskikh issledovanij* [Journal of Russian and East European Historical Research], 2019, no. 1, pp. 180–218.
 11. Lyozina E. *XX vek: prarabotka proshlogo. Praktiki perehodnogo pravosudija i politika pamjati v byvshih diktaturah. Germanija, Rossija, strany Central’noj i Vostochnoj Evropy* [20th century: study of the past. Transitional justice practices and the politics of memory in former dictatorships. Germany, Russia, countries of Central and Eastern Europe.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 691 p.
 12. Loshkov D. B. [Russia and the Baltic countries – isn’t it better to do without claims?]. In: *Prepodavanie istorii v shkole* [Teaching history at school], 2005, no. 8, pp. 25–36.
 13. Makarov V. [Fights for history” in Latvia]. In: Bomsdorfa F., Bordjugova G., eds. *Nacionalnye istorii na postsovetском prostranstve – II* [National histories in the post-Soviet space – II]. Moscow, Fond Fridriha Naumanna Publ., AIRO-HHI Publ., 2009, pp. 148–157.
 14. Mahotina E. I. *Prelomlenija pamjati: Vtoraja mirovaja vojna v memorialnoj kulture sovetskoj i postsovetской Litvy* [Refractions of memory: the Second World War in the memorial culture of Soviet and post-Soviet Lithuania]. St. Petersburg, Izd-vo Evropejskogo universiteta Publ., 2020. 254 p.
 15. Megem M. E. [Preserve vs dismantle: major trends in the Baltics’ politics of memory regarding Soviet monuments at sites of mass violence]. In: *Baltiiskij region* [Baltic region], 2022, no. 4, pp. 128–145.
 16. Medushevskij N. A. [Memory policy in the European Union as a tool for the implementation of the integration process]. In: *Vlast* [Authority], 2019, no. 3, pp. 167–174.
 17. Medushevskij N. A. [The memory policy in modern Hungary]. In: *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij* [Theories and problems of political studies], 2020, vol. 9, no. 4A, pp. 5–18.
 18. Medushevskij N. A. [The memory policy in the Czech Republic at the present historical stage]. In: *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij* [Theories and problems of political studies], 2020, vol. 9, no. 4A, pp. 19–33.
 19. Medushevskij N. A. *Razmyshlenija o politike pamjati* [Reflections on the politics of memory]. Moscow, Izdatelskie reshenija Publ., 2019. 146 p.
 20. Miller A. I. [Second World War in the “wars of memory”]. In: *Vojna v istoricheskoi pamjati i «vojny pamjati» v sovremennom mire* [War in historical memory and “memory wars” in the modern world]. In: *Novoe proshloe* [The new past], 2020, no. 4, pp. 222–231.
 21. Nikzentaitis A. [Poland, Lithuania, Russia, Germany: Models of Memory and Cultural Recollections]. In: *Slovo.ru: Baltiiskij accent* [Slovo.ru: Baltic accent], 2012, no. 3, pp. 17–32.
 22. Vilkov M. A., Simindey V. V., eds. *Pribaltiiskie issledovanija v Rossii*. [Baltic studies in Russia]. Moscow, Izdatelskij centr fonda «Istoricheskaja pamjat» Publ., 2015. 480 p.

23. Rozenfeld I. *Jestonija do i posle «bronzovoj nochi»* [Estonia before and after the “Bronze Night”]. Tartu, Kripta Publ., 2009. 576 p.
24. Skachkov A. S. [Historical memory in the political processes of the post-Soviet Baltic states]. In: *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics Russia], 2017, no. 1, pp.140–151.
25. Smirnov V. A. [The role of political elites in the development of politics of memory in the Baltic states]. In: *Baltijskij region* [Baltic region], 2015, no. 2, pp. 78–97.
26. Bomsdorf F., Bordjugova G., eds. *Starje i novye obrazy v sovremennyh uchebnikah istorii* [Old and new images in modern history textbooks]. Moscow, Fond Fridriha Naumanna Publ., «AIRO-HH», 2002. 352 p.
27. Tokareva E. A. [Modern wars of memory or approaches to the interpretation of historical events in history, politics and education]. In: *Prepodavatel XXI vek* [Teacher of the 21st century], 2021, no. 3, pp. 288–300.
28. Fiodorov A. P. [Memory Wars” - an element of the information war against Russia. Using the example of the Baltic countries]. In: *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel – Observer* [Scientific and analytical magazine Observer], 2020, no. 8, pp. 88–99.
29. Eglitis D. S., Ardava L. The Politics of Memory: Remembering the Baltic Way 20 Years after 1989. In: *Europe–Asia Studies*, 2012, no. 64, pp. 1033–1059.
30. Petersoo P., Tamm M., eds. *Monumentaalne konflikt: mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis*. Tallinn, Trükikoda OÜ Geif, 2008. 308 k.
31. Muiznieks N. *The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations*. Academic Press of the University of Latvia, 2011. 238 p.
32. Nikžentaitis A. Kryžiaus karų epocha Lietuvos kultūrinėje atmintyje. In: Trimonienė R., ed. *Kryžiaus karų epocha Baltijos regiono tautų istorinėje sąmonėje*. Šiauliai, Saulės delta, 2007, pp. 236–249.
33. Nikžentaitis A. Rytų Lietuva lietuvių atminties kultūroje ir politikoje. Istoriko ir atminties kūrėjo santykio problema. In: *Kultūros barai*, 2004, no. 10, pp. 15–19.
34. Statkevičius T. Atminties politika Baltijos šalyse: dvi probleminės sritys. In: *Politikos mokslų almanachas*, 2013, no. 13, pp. 137–158.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зверев Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Костромского государственного университета;
e-mail: zwerew.kir@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill A. Zverev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History, Kostroma State University;
e-mail: zwerew.kir@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зверев К. А. Проблематика политики памяти стран Балтии в отечественной и прибалтийской историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 150–163.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-150-163

FOR CITATION

Zverev K. A. Problems of the memory policy of the Baltic countries in domestic and Baltic historiography. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 150–163.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-150-163